

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.21>

Сычева Татьяна Михайловна

[Взгляд на российские политико-правовые учения XIX века через призму модернизационной теории](#)

Цель исследования - показать место отечественных политико-правовых учений XIX века в парадигме модернизационной теории - её принципов и понятий. В процессе её достижения было реализовано несколько задач: проанализированы содержание и трансформация основных идей модернизационной теории; рассмотрена её взаимосвязь с вопросами, обсуждаемыми в отечественных политико-правовых учениях XIX века. Для обоснования выводов были использованы методы аналогии, сравнительного анализа и историко-диалектический метод. Научная новизна статьи состоит в определении места российских учений как в ранних теориях модернизации, так и в современных модернизационных проектах. В результате авторами доказано, что русская политико-правовая мысль XIX века содержит идеи, которые не только совпадают с положениями ранних модернизационных теорий, но и превосходят их концептуальные построения конца XX - начала XXI века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/21.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 113-117. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Цель исследования – показать место отечественных политико-правовых учений XIX века в парадигме модернизационной теории – её принципов и понятий. В процессе её достижения было реализовано несколько задач: проанализированы содержание и трансформация основных идей модернизационной теории; рассмотрена её взаимосвязь с вопросами, обсуждаемыми в отечественных политико-правовых учениях XIX века. Для обоснования выводов были использованы методы аналогии, сравнительного анализа и историко-диалектический метод. **Научная новизна** статьи состоит в определении места российских учений как в ранних теориях модернизации, так и в современных модернизационных проектах. **В результате** авторами доказано, что русская политико-правовая мысль XIX века содержит идеи, которые не только совпадают с положениями ранних модернизационных теорий, но и превосходят их концептуальные построения конца XX – начала XXI века.

Ключевые слова и фразы: модернизационные теории; традиция; новация; право; государство.

Сычева Татьяна Михайловна, к. филос. н., доц.

Брянский государственный инженерно-технологический университет

sycheva.tatiana@gmail.com

Взгляд на российские политико-правовые учения XIX века через призму модернизационной теории

Актуальность исследования российских политико-правовых концепций XIX века обусловлена в первую очередь влиянием, которое они оказывают не только на современный научно-философский дискурс, но и на социально-политическую практику российского общества. Востребованность этих учений сегодня свидетельствует не только о глубине анализа и широте охвата вопросов, затрагиваемых ими, но значимости и одновременно нерешенности проблем, обсуждаемых российской интеллектуальной мыслью сегодня. Задача модернизации России как государства и общества является на сегодняшний день самой насущной и крайне необходимой. Вопросы путей и способов социально-исторического развития российского государства, его политического устройства, роли права, закона и собственности, характера социальных связей, индивидуальной свободы и эмансипации определяют накал и остроту дискуссий в пространстве российской общественной мысли.

Второе обстоятельство, объясняющее актуальность этих учений, заключается в том, что в них представлен широкий спектр подходов к анализу феноменов права и государства, отличающихся нетривиальностью ракурсов интерпретации. Что касается идеологического содержания отечественной политико-правовой мысли, то оно достаточно многообразно – начиная от консервативно-традиционалистских и заканчивая либерально-демократическими учениями. Выбор в качестве предмета нашего исследования политико-правовых концепций, ориентированных на традиционные ценности, обусловлен в первую очередь их «интеллектуальной живучестью» и долголетием. В последние годы оказались весьма востребованными концепции православно-монархического строя России (А. М. Величко), теория неоевразийства (А. Г. Дугин), различные модификации теорий «консервативной» модернизации и др., которые базируются на принципах предшественников. Третье обстоятельство, объясняющее наш интерес к наследию политико-правовой мысли, состоит в важности смысла и содержания, которое вкладывается авторами учений в понимание феномена права. Вопрос о праве, на наш взгляд, – это не столько вопрос о регуляторах социальной организации, сколько вопрос об образе жизни того или иного народа и общества, а в ракурсе нашего интереса – это вопрос о целях, задачах и способах преобразования общества. Для российского общества и отечественной общественной мысли это тем более справедливо, так как категории права и государства всегда были не столько теоретически определены, сколько идеологически нагружены с целью духовного санкционирования происходящих в стране перемен.

Наша **задача** состоит в том, чтобы проанализировать наиболее значимые российские политико-правовые учения с точки зрения основных методологических принципов и понятий модернизационной теории. По нашему мнению, идеи, подходы и оценки социальной реальности отечественными мыслителями не только совпадают с концептуальным ядром ранних теорий модернизации, но и превосходят тот методологический переворот, который произошел в модернизационной парадигме на рубеже XX–XXI веков.

Теоретической базой исследования, наряду с работами отечественных мыслителей XIX века, послужили работы А. Валицкого, И. Стародубровской, Ф. Тенниса, Р. Ингхарта и К. Венцеля, в которых излагаются главные принципы модернизационной теории и обосновывается их применение к анализу социальной реальности. Замысел рассмотреть отечественную общественную мысль через призму модернизационной парадигмы возник благодаря знакомству с дискуссией, идущей среди современных аналитиков относительно определения сущности и природы исламизма, которая породила самые противоречивые оценки – начиная от рассмотрения его как антимодернизационного [6] и заканчивая признанием его как неоднозначного, драматического, полного противоречий пути к современности [7]. Отечественные политико-правовые концепции

также порождают неоднозначные характеристики: если XIX-XX веках учения ранних славянофилов рассматривались подавляющим большинством исследователей как пример, хотя весьма неоднозначной, либеральной мысли, то сегодня они трактуются как консервативно-традиционалистские. Понятно, что дело заключается не только в различии социально-исторического контекста или политической конъюнктуры, а в ракурсе интерпретации, различии методологических подходов в их исследовании.

Практическая значимость работы заключается в том, что она дает возможность изменить привычный взгляд на известные учения русской общественной мысли, использовать их интеллектуальный потенциал в разработке программы модернизации современного российского общества. Классическая российская политико-правовая мысль не должна и не может оцениваться только в плоскости прогрессивности или регрессивности, как либеральная или консервативная, служащая целям развития или препятствующая им. Ценность её заключается в собственном, отличном от западноевропейского опыте видении путей и способов преобразования России XIX века, которое оказалось весьма созвучным новому пониманию процесса модернизации.

Сама модернизационная теория с момента своего зарождения и до сегодняшнего дня претерпела существенную трансформацию. Историю развития теории модернизации аналитики условно делят на три этапа: ранние теории модернизации, теория модернизации в узком смысле, сформировавшаяся в США после Второй мировой войны, теория «множественности модернов», пытающаяся преодолеть кризис модернизационной парадигмы. Каждая из групп теорий, не теряя своего содержательного ядра, не только дает различные интерпретации путей и способов трансформации общества, но и сосредотачивает свой исследовательский интерес на многообразии сторон процесса развития.

Появление ранних модернизационных теорий связано с возникновением социологической науки, которая в качестве одной из целей исследования предполагала изучение вопроса – как традиционные общества превращаются в современные. В рамках эволюционного подхода XIX в. был детально разработан дихотомический принцип радикального противопоставления традиционного («агрикультурного») и современного («индустриального») обществ, который лег в основу модернизационной схемы. Процесс социальных изменений рассматривался как однонаправленный: человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, что предопределяет судьбу социальной эволюции. Вместе с тем ранние модернизационные теории имеют ряд особенностей, которые привлекательны для анализа трансформаций современных обществ. Во-первых, их внимание сосредоточено прежде всего на анализе характера общественных отношений, существующих в различных типах общества, социальных регуляторах, которые эти общественные связи предопределяют (Ф. Теннис). Во-вторых, они исследовали конкретные формы проявления модернизационных трансформаций, например, процессов урбанизации (Л. Вирт, Р. Парк), создав одно из самых значимых направлений в современной науке – социологию города. Одним из главных их достоинств является понимание процесса модернизации как весьма противоречивого, связанного с опасностями тотальной регламентации общества государством. Так, Ф. Теннис, негативно настроенный к разрушению традиционных отношений, делает вывод, что государство – чуждая сила по отношению к простым людям, разрушающая привычный «теплый» мир локальных сообществ [8, с. 377]. Критическая позиция ранних теоретиков модернизации относительно «темных» сторон модерна предвосхищает поздние идеи философского осмысления современности, связанные с критикой просветительской модели процесса трансформации общества. Утверждение Ю. Хабермаса, что «в мире модерна эмансипация неизбежно превратится в несвободу» [9, с. 26], будет до абсолюта доведена М. Фуко, который показал итоги государственной тотальной рационализации: тюрьма, лагерь, психиатрическая больница, казарма, фабрика, школа – главные приметы современного общества.

Последующее развитие теорий модернизации представителями американской социальной науки – У. Ростоу, М. Леви, Ш. Эйзенштадт и др. – привело к некоторому упрощению понимания сущности и содержания модернизационных изменений за счет игнорирования сложных и конфликтных моментов процессов трансформации общества. Так, традиционное общество изображалось как статичное, слабо дифференцированное, с низким уровнем урбанизации и грамотности, в то время как современное рассматривалось как высоко дифференцированное, урбанизированное, секуляризованное, с высоким уровнем политического участия. Классическая теоретическая схема трактовала модернизацию как единый универсальный процесс восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости согласно универсальным закономерностям.

Третий этап эволюции модернизационных теорий характеризуется отходом от прямолинейных схем, упрощенных представлений о процессе социокультурного развития, отождествления модернизации с вестернизацией, отрицания творческой роли традиции и значений культурных факторов в трансформации общества. Вместо одной схемы перехода от традиционного общества к современному получили распространение теории «множественности модернов», в которых модернизационные изменения стали рассматриваться как производные от цивилизационных и культурных особенностей тех или иных стран. Базовой идеей становится положение об определяющей роли социальных институтов в процессе трансформации развивающихся обществ, которые, в свою очередь, сформировались под воздействием культуры, религии, традиции и социально-исторического опыта: «Традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные культурные зоны с собственными ценностными системами... Эти культурные зоны отличаются немалой устойчивостью» [3, с. 37-38].

С точки зрения идей и принципов модернизационной парадигмы российским политико-правовым учениям XIX века сложно дать однозначную оценку в силу того, что они представляют собой достаточно противоречивую

картину направлений, содержащих различную интерпретацию социальной реальности, государства, права, путей и способов преобразования общества: это и славянофильские учения с их абсолютизацией российской самобытности, и государственно-охранительные учения, опасющиеся проникновения на российскую почву западноевропейского либерализма, и социалистические, «народнические» учения с их радикальными рецептами переустройства общества. Но при всем концептуальном разнообразии отчетливо просматривается их органичная «встроенность», если не в идейное русло, то в общую смысловую направленность социально-философских учений своего времени.

Так, концепция славянофилов в лице А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, по значимости и силе воздействия на общественное сознание своего времени не знающая себе равных, является, по мнению большинства аналитиков, ярким образцом антилибералистских и антимодернистских воззрений. Общеизвестны положения славянофилов о ценностной противоположности западноевропейского и российского общества, которая определяет разный тип государства, разный тип личности и разное отношение к закону и праву. Так, И. В. Киреевский совершенно справедливо полагал, что западноевропейское понимание права порождено другим, отличным от российского типом общества и в силу этого не пригодно для российских реалий. Он считал, что юридический рационализм вырос на римском праве и всецело пронизан им. Российское же общество, по его мнению, построено на иных связях, вытекающих из глубин исторической жизни народа. Этим связям соответствует древнерусское обычное право, основанное на традиции, подчиненное религии и нравственности [4]. Идея о «внешней правде», которая – закон, противопоставляется «внутренней правде», которая мораль и истина, является доминантой мировоззрения славянофилов и отчетливо перекликается с взглядами Фердинанда Тённиса – классика социологии и создателя учения о двух типах общества: *Gemeinschaft* – *Gesellschaft*.

Согласно концепции Тённиса, общество включает в себе различные отношения и объединения людей, которые условно можно разделить на два типа – общины (*Gemeinschaft*) и общества (*Gesellschaft*) [8]. *Gemeinschaft* характеризует традиционное общество, в котором социальные связи базируются на родстве, взаимопомощи, общности языка и культуры. *Gesellschaft* представлен в современном индустриальном обществе, которое основывается на экономических, безличных и искусственных отношениях, на нормах экономической ценности, труда и потребления. Он подчеркивал, что «ассимиляция римского права служила и до сих пор служит развитию *Gesellschaft* в большей части христианско-германского мира», потому что этот тип права был внутренне несовместим с органической общностью. Это же относится и к современному естественному праву, и к теории естественных прав: в своем «дезинтегрирующем и уравнительном смысле общее и естественное право всецело представляет собой устройство, характерное для *Gesellschaft*, в чистом виде проявляющееся в коммерческом праве». Правоту И. Киреевского и Ф. Тённиса подтверждают современные исследователи: «Рациональное, научное и независимое право стало возможным только в условиях освобождения индивидов от всех пут, связывающих их с семьей, землей и городом и удерживающих их во власти предрассудков, веры, традиции, привычки и обязанностей. Такое освобождение означало крах общинного домашнего хозяйства в деревне и городе, сельскохозяйственной общины и мастерства городов как дружеского, религиозного, патриотического ремесла» [1, с. 56-57].

При всей справедливости определения славянофильской концепции как антимодернистской, надо помнить, что её появление обусловлено стремлением осмыслить всю сложность и опасность перемен, которые несет для общества процесс развития, а вовсе не желанием обосновать ненужность их. А. Валицкий пишет: «Протест славянофилов против вестернизации был в действительности протестом против рационализации общественной жизни, так прекрасно описанной Максом Вебером. Их романтическая критика рационализма во имя непосредственного, живого и целостного знания была на самом деле защитой непосредственных нерелективных, эмоциональных, освященных временем социальных связей, которым угрожала прогрессирующая рационализация человеческого поведения» [Там же, с. 54]. В этом отношении идеи славянофилов не являются сугубо российским феноменом, а органично вписываются в европейскую традицию понимания права, принципы которого были обозначены немецкими романтиками (К. Савиньи, Г. Пухта), трактующими право, исходя из «духа народа», живой традиции, в противовес «рациональному», или «теоретическому» праву.

Другой вариант традиционалистского ниспровержения права представлен теми русскими мыслителями, которые полагали, что перемены в российском обществе возможны только под руководством и контролем сильного государства во главе с правителем-самодержцем. Именно в государстве русская общественная мысль в лице своих «государственников-охранителей» видела силу, способную, опираясь на традиционные ценности, предложить продуманную систему мер, позволяющую реализовать оптимальный, по их мнению, сценарий перехода к новым социально-экономическим условиям, или, говоря сегодняшним языком, осуществить консервативную модернизацию. Власть в обстановке резких модернизационных изменений второй половины XIX века, связанных с реформами Александра, порождавших в обществе неуверенность и сомнения, должна помочь преодолеть не только социально-экономические трудности, но и идеологические сложности в виде либерализма и социализма. В свою очередь, власть, чтобы не стать «чуждой, формальной, регламентирующей всё и вся силой» (об опасности которой впоследствии будут говорить критики модерна в лице представителей Франкфуртской школы), осуществляется подобно духовно-нравственным требованиям и ограничена началами «народности» и «веры». Так, К. Леонтьев разрабатывает вариант сильного государства в единстве с православием, воплощающий так называемый принцип «византизма» как политической симфонии власти и церкви, под руководством которого только и возможны подлинные перемены,

не разрушающие традиционного уклада. В свою очередь, К. Победоносцев считал невозможным анализировать сущность русской самодержавной власти в отрыве от религиозных принципов православия и заявлял о принципиальной невозможности четкого теоретического оформления самодержавия в России. В представлении этих мыслителей, трактовка политической власти принципиально не может быть рационализируема и по своей сущности не предполагает связи с правом западноевропейского толка.

Безусловно, что, несмотря на свое утопически-романтическое содержание, отечественные мыслители в своих концептуальных построениях, если и не обосновывают, то верно «прозревают» опасности институционального устройства общества модерна. Либеральный эгалитаризм К. Леонтьев отождествлял с анархизмом, предсказывая появление «нового социалистического феодализма»: «Так, например, если бы идею личной свободы довести до всех крайних выводов, то она могла бы, через посредство крайней анархии, довести до крайне деспотического коммунизма, до юридического постоянного насилия всех над каждым или, с другой стороны, до личного рабства» [5, с. 15-16]. Авторы ранних модернизационных теорий также настойчиво указывали на опасность предельно рационализованного государства: «Общество, состоящее из множества неорганизованных, подобных пыли индивидов, которых гипертрофированно развитое государство стремится заключить в свои объятия и удержать в них, представляет собой настоящее социологическое чудовище» [2, с. 34].

К политико-правовым концепциям русского консерватизма, как ни покажется на первый взгляд парадоксальным, примыкают идеи «русского» (народнического) социализма в лице его самых ярких представителей – А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, Н. К. Михайловского и других. Социалистические идеи на русской почве представляют собой причудливый сплав западноевропейского марксизма и русской православно-патриархальной традиции. Несмотря на стратегические и тактические разногласия в области политической деятельности, все идеологи народничества солидарны относительно понимания государства, права, справедливости и законности. Если представители русской консервативной мысли занимают достаточно осторожные, взвешенные позиции по вопросу о путях и способах социально-экономического развития российского общества и государства (пытаюсь соединить традиции с осторожными новациями), то идеи представителей социалистического крыла российской общественной мысли являют собой пример сочетания крайнего традиционализма и революционного радикализма. Как и их идейные противники, они являются сторонниками уникального исторического пути России, защитниками своеобразия её общества и культуры. Абсолютизация места и роли крестьянской общины в жизни российского общества и рассмотрение её как ячейки будущего – альфа и омега их учения. Преувеличение роли морали в регуляции общественных отношений и как следствие – полное пренебрежение правом – второй краеугольный камень их интеллектуальных построений. Право как выражение формального равенства, справедливости и мера свободы осталось непонятым нашими традиционалистами-революционерами.

На примере народников мы видим идейную попытку соединения ценностей традиционного общества с самыми крайними методами европейского модерна – революционным насилием. Воззрения наших радикалов, пусть и достаточно абстрактные, дадут в будущем свои «зловещие плоды» в виде политического террора, социальной революции начала XX века, «догоняющей модернизации», осуществленной путем ломки традиции, и т.д. Идеи насильственного ускорения социальных изменений будут критически переосмыслены в результате не только их неудачной реализации на практике, но в итоге кризиса самой модернизационной парадигмы.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать несколько **выводов**. В первую очередь, мы не склонны рассматривать все традиционалистские отечественные концепции как исключительно антимодернизационные. Они таковыми не могут быть определены, исходя из двух соображений: во-первых, несмотря на различие воззрений, свою основную задачу они видят в нахождении своего самобытного пути вхождения в современность с учетом национально-культурного своеобразия. Все они хорошо осознавали невозможность осуществления модернизации в России строго по европейским рецептам, и поэтому одни из них (ранние и поздние славянофилы) проявляют крайнюю осторожность и даже враждебность по отношению к ценностям Европы, другие, беря на вооружение самые крайние европейские методы, стараются в целях и средствах модернизации превзойти её (народники). Свойственная им критика принципов модерна характерна для всех традиционных обществ, испытывающих страх и опасения перед грядущими изменениями. В развивающихся обществах, где модернизация осуществляется без учета социально-культурного опыта, обычая и традиции, в форме насильственной вестернизации, ценности правозаконности, индивидуальности и рациональности воспринимаются враждебными и чуждыми.

Во-вторых, зная итоги трансформации, которая к началу XXI века произошла с теорией модернизации, мы с некоторой осторожностью можем утверждать, что, как ни парадоксально, российские идеологические выкладки являют пример понимания модернизации не как отрицания традиции, а как процесс сложного противоречивого взаимодействия социально-исторического опыта и новаций. Современные теории модернизации рассматривают традицию как резервуар, из которого могут черпаться ресурсы и практики для модернизационного процесса, понимаемого как итог многообразных форм взаимодействия принципов модерна и разнообразия культурных традиций.

И в-третьих, при всем том, что русская политико-правовая мысль XIX века не является в строгом смысле научной социальной теорией, а скорее философско-идеологической, в своем содержании она несет идеи, которые не только совпадают с ранними социологическими теориями, но в определенной мере предвосхищают концептуальные построения модернизационных теорий конца XX – начала XXI века.

Список источников

1. **Валицкий А.** Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012. 567 с.
2. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. **Ингхарт Р., Вельцель К.** Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
4. **Киреевский И. В.** Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.
5. **Леонтьев К. Н.** Византизм и славянство. М.: Имп. Общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1876. 132 с.
6. **Панин Э. А.** Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России // *Общественные науки и современность*. 2016. № 5. С. 115-127.
7. **Стародубровская И. В.** Исламизм и модернизация: полемические заметки // *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 134-146.
8. **Теннис Ф.** *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии.* СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
9. **Хабермас Ю.** *Философский дискурс о модерне.* М.: Весь мир, 2003. 416 с.

The Russian Political and Legal Doctrines of the XIX Century through the Lenses of Modernization Theory

Sycheva Tatiana Mikhailovna, PhD
Bryansk State Engineering Technical University
sycheva.tatiana@gmail.com

The paper aims to identify the place of domestic political and legal doctrines of the XIX century in the modernization paradigm. To achieve this research objective, the author analyses the content and transformation of the basic modernization conceptions, examines correlation of the modernization theory with the key issues of domestic political and legal doctrines of the XIX century. The research methodology includes the method of analogy, the comparative analysis method and the historical dialectical method. Scientific originality of the paper involves identifying the place of domestic political and legal doctrines both within early modernization theories and current modernization projects. The research findings are as follows: the author proves that the Russian political and legal thought of the XIX century contains the ideas, which not only correlate with provisions of early modernization theories but anticipate modernization conceptions of the end of the XX – the beginning of the XXI century.

Key words and phrases: modernization theories; tradition; innovation; law; state.